
ИСТОРИЯ РОССИЙСКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ

СОВЕТСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1960–1970-Е ГГ.: НЕОКОНСЕРВАТОРЫ США И КРАХ РАЗРЯДКИ

К.В. Блохин

Кафедра теории и истории международных отношений
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10/2, Москва, Россия, 117198

В статье анализируются советско-американские отношения в годы разрядки международной напряженности (1960–1970-е гг.), исследуется роль неоконсерваторов, способствовавших возвращению США к духу конфронтации с СССР. Особое внимание в статье уделено анализу деятельности Г. Джексона, Д.П. Мойнихена, Дж. Киркпатрик, Р. Перла, деятельности неоконсервативных организаций.

Ключевые слова: СССР, США, разрядка, реализм, идеализм, неоконсерватизм, вильсонизм, либерализм, коммунизм, диктатура, демократия, права человека, холодная война.

Историки спорят о причинах краха разрядки второй половины 1970-х гг., когда существенно улучшились отношения между СССР и США, а в международной атмосфере стали исчезать апокалиптические страхи о взаимном уничтожении. Ощущение относительной стабильности, возросшие культурные контакты между странами, растущее доверие между народами в то время, казалось, могут рассеять атмосферу взаимного недоверия. Однако уже в конце 1970-х гг. стало ясно, что надежды на новый безопасный мир рухнули, уступив место новой конфронтации.

Фактором обострения международной обстановки стала существенная перегруппировка сил внутри правящей элиты США, в эти годы рождается неоконсерватизм. В настоящей статье на фоне советско-американских отношений анализируются как внешнеполитические взгляды американских неоконсерваторов, так и организационные формы, позволившие им оказывать влияние на американскую внешнюю политику США.

Предваряя анализ их деятельности, прежде всего следует обратиться к международному контексту, в котором она протекала. Как известно, Карибский кризис 1962 г. не привел к ядерному конфликту, а породил мирное политическое, экономическое и военно-технологическое соперничество обеих держав. После 1962 г. сложился, по словам американского исследователя Джона Гэддиса, «длинный мир», проявившийся в конфронтационной стабильности, который характеризуется как «исторически протяженное и устойчивое состояние отношений между великими державами, для которого было характерно сочетание регулируемого противостояния США с их сознательным стремлением избежать ядерной войны» (1).

Для этого времени, с одной стороны, была характерна «активизация диалога между СССР и США, сближение их позиций по проблемам контроля над вооружениями и международной ситуации в Европе», а с другой стороны, проявлялся «высокий уровень конфликтности в региональных подсистемах» (война США во Вьетнаме, советско-китайский конфликт, ближневосточная война) (2).

Важным фактором внутривосточной ситуации в Европе 1960-х гг. стало движение «новых левых», которое коснулось не только западных правительств, но и стран социалистической системы. Именно среди этих кругов вьетнамская война подвергалась наибольшему осуждению. Стремясь свернуть непопулярную войну во Вьетнаме, Р. Никсон пошел на улучшение отношений с Москвой и Пекином. Была провозглашена «Гуамская доктрина» Никсона, означавшая, что США больше не будут защищать союзные им режимы в Азии силами американской армии.

Важно отметить то, что архитектором такой политики являлся «реалист» Г. Киссинджер. В основе «доктрины Никсона» лежала идея, противоречащая доктрине «сдерживания»; она гласила, что внутренняя политика СССР, социально-политический строй не являются предметом внешней политики США, а важно лишь поведение СССР в мире (3). Никсон полагал, что в хаосе вьетнамской войны лучше следовать «национальным интересам», опираясь на принципы Просвещения, гласившие, что равновесие сил обеспечит стабильность (4).

Р. Никсону удалось добиться прогресса в этом направлении. В мае 1972 г. состоялся его официальный визит в качестве Президента США в Москву, в ходе которого были подписаны документы, означавшие начало процесса по ограничению стратегических вооружений – ОСВ (SALT – *англ.*): были достигнуты договоренности по ОСВ-1, включавшие «Договор об ограничении систем противоракетной обороны» (ПРО) и Временное соглашение о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений (5).

Соглашения ОСВ-1 вызвали яростную атаку на Р. Никсона неоконсерваторов. Договоренности воспринимались так, будто бы администрация «защищает «ракетное неравенство», неблагоприятное для США (6). лиде-

ром критикующих групп стал сенатор Г. Джексон. Г. Киссинджер подчеркивает, что «группировки, связанные с Джексоном... жаждали реставрации американского стратегического превосходства. Но они рядили свои заботы в одежды страха, будто бы не только Америка лишится способности к первому удару – что было правдой, – но что, со временем Советский Союз такую способность приобретет, – что правдой уже не было, по крайней мере, в пределах временных рамок этих дебатов» (7). В итоге «американский идеализм царствовал безраздельно, не ограничиваемый никакими стимулами к политическому компромиссу» (8).

При администрации Дж. Картера начался переговорный процесс по тематике ОСВ-2 (SALT-2). В это время происходившая революция в военном деле создавала новые технические возможности в управлении боевыми действиями и повышении точности поражения на территории противника. Популярной стала концепция «ограниченной ядерной войны» и идея нанесения ударов не по гражданским объектам противостоящей обороны, а по военным объектам и пусковым установкам (9).

Сильное влияние на дебаты оказала концепция «окна уязвимости» П. Нитце, который доказывал, что СССР обладает превосходством над США в мощности ракетных зарядов, приводя в пример советские ракеты СС-18 и СС-19. Он выступил с предложением по повышению защищенности ядерных сил от удара за счет развития мобильных систем МБР, что могло быть дестабилизирующим фактором для стратегической стабильности. В этих условиях американский конгресс принял резолюцию, в соответствии с которой администрация обязана была добиваться численного равенства по всем показателям ограничений.

Анализируя политические заявления советских лидеров, П. Нитце писал в 1977 г.: «Советская литература – не является пропагандой для Запада... Советские не согласны с американцами в том, что атомная война бессмысленна и заведомо проигрышная... Они говорят нам, что они смотрят на мир совершенно иначе... и верят в лучшие возможности сдержать и победить...» (10).

15–18 июня 1979 г. в Вене был подписан Договор ОСВ-2. Устанавливались уровни средств доставки (не более 2400). Каждой стороне разрешалось иметь не более 1320 ракет РГЧ (ракеты с разделяющейся головной частью). Подписание договора породило острую дискуссию среди американской элиты. Правые торпедировали деятельность администрации Дж. Картера, считая своей важнейшей задачей противодействие договору.

В июне 1976 г. был основан «**Комитет по насущной угрозе**» (КНУ), под управлением которого оказались такие организации, как «Коалиция за мир через силу», «Совет американской безопасности», «Консервативное руководство». КНУ потратил более семи миллионов долларов, чтобы приостановить подготовку Договора (11). В это же время формируется и другой неоконсервативный центр – **Американский институт предпринимательства (АИП)**, связь которого с неоконсерваторами оставалась чрезвычайно устой-

чивой на протяжении более чем 13 лет (12). Но именно КНУ, возможно, был самым энергичным и хорошо организованным движением сторонников твердой линии. Он стал фактически своеобразным зонтиком для многочисленных организаций, выступавших за увеличение расходов на оборону и возобновление холодной войны. Р. Пайпс риторически вопрошает: «Насколько влияли на принятие решений члены Комитета? Очевидно, что такое влияние имело важное политическое значение в американской внешней политике... Через наши публикации и лекции, которые мы активно и широко распространяли, мы, безусловно, оказывали воздействие, *уравновешивающее влияние лобби контроля над вооружениями* (выделено нами. – К.В.)» (13).

Обоснование необходимости создания «Комитета по насущной угрозе» было подготовлено «Командой-Б» (командой внешних экспертов, названной так в противоположность аналитикам ЦРУ, известных как «команда-А»), которая была создана для альтернативного анализа советских стратегических ядерных возможностей и намерений. Команда, включавшая в себя П. Нитце – Р. Пайпса, демократа Г. Джексона, подтвердила озабоченность в отношении СОЛТ-2.

Анализ докладов «Команды Б» показывает, что советские военные расходы стали снижаться именно в тот период, когда сотрудники «Команды Б» писали о том, что советское военное строительство поэтапно нарастает (14).

Сторонники жесткой линии считали, что советские лидеры не делают различий между войной и миром, обороной и защитой, ядерными и обычными вооружениями. Советское мышление, по их мнению, является клаузевицким по своему характеру и оперирует в терминах большой стратегии, для которой оружие является одним из элементов в огромном арсенале инструментов достижения целей (15). «Команда Б» предостерегала, что ЦРУ необходимо учить российскую военную доктрину XVIII в. Российская стратегия со времен маршала А.В. Суворова в XVIII в. была в основном наступательной идеализированной наукой захвата (16).

«Команду-Б» возглавлял Р. Пайпс, который в своих воспоминаниях довольно ясно написал о себе как о стороннике холодной войны (17). Пайпс начал критику разрядки в 1969 г. с доклада на ежегодном съезде Американской ассоциации историков. Лейтмотивом его доклада стал тезис о том, что «не было и не могло быть никакой конвергенции: либо одна, либо другая система должна была уступить» (18). Доклад был замечен, а его автор при посредстве Р. Перла был приглашен на слушания в Сенат по Договору об ОСВ в марте 1970 г. Показателен в этом смысле и подход Пайпса к оценке перспектив советско-американских отношений:

«В своих показаниях я пытался донести, что главными являются не возможности самого оружия, а психология и политическая ментальность людей, обладавших этим оружием. Коммунисты не могли принять идею паритета, на котором основывалась ядерная стратегия Америки, потому что это

означало бы установление военного равновесия. Военное равновесие, в свою очередь, означало бы, что больше не смогут рассчитывать на победу в мировом конфликте, который служил оправданием как их диктаторской политики, так и нищеты, в которой они держали своих подданных... Позднее Джексон закрепил меня в качестве консультанта за своим Комитетом национальной безопасности и международной деятельности» (19).

В целом деятельность «Команды-Б» под руководством Р. Пайпса имела два важных последствия. Во-первых, она настолько глубоко повлияла на Р. Рейгана и на мышление его администрации, что некоторые журналисты поначалу обозначили администрацию Рейгана как «команду-Б». Во-вторых, благодаря ее деятельности была улучшена процедура разработки оценок ЦРУ. Несмотря на то, что никогда более не использовались услуги независимых экспертов, конкурентный анализ стал частью процесса, который теперь «включал несогласные мнения» (20).

Для неоконсерваторов приостановление администрацией Дж. Картера ратификации ОСВ-2 в связи с вводом советских войск в Афганистан явилось сигналом кратковременной победы, поскольку никсонская внешняя политика продолжалась в течение десятилетия. Они стремились видеть президентом Рейгана, который намеревался отказаться от никсонской политики, и сделал это после прихода к власти (21). «Перл окончательно убедил Рейгана отказаться от СОЛТ-2», – отмечает Колодный (22). Таким образом, можно уверенно говорить, что неоконсерваторы целенаправленно подрывали хрупкую стратегическую стабильность в отношениях между двумя странами и внесли немалый вклад в демонтаж политики разрядки.

Сферой противоборства либерализма и коммунизма были в то время также региональные конфликты, происходившие в странах третьего мира. В этой связи показательна деятельность двух наиболее ярких политиков и теоретиков неоконсервативного движения – Д.П. Мойнихена и Дж. Киркпатрик. Д.П. Мойнихен был первым неоконсерватором, который проложил своеобразный мост между миром интеллектуальных абстракций и каждодневной политикой (23). Согласно биографии Мойнихена, он был твердым сторонником Г. Трумэна и одинаково непримиримым противником Г. Уоллеса, партия которого находилась, по его мнению, под эгидой коммунистов (24). Со времени работы в движении «Америка за демократические действия» и вплоть до 1971 г. в своих речах он подчеркивал, что американские интеллектуалы делают свою работу плохо, борются против консервативных ценностей, а «проблема Америки в том, что она не имеет консервативного класса» и «это никуда не годится!» (25).

Пик политической карьеры Д. Мойнихена совпал с началом его деятельности в качестве представителя США в ООН, где Мойнихен видел свою цель «в борьбе идей, и собирании сил либерального интернационализма» (26). И ему это удалось: были одержаны две резонансные политические победы на трибуне ООН: это решение проблемы Пуэрто-Рико и критика ре-

золюции о сионизме. Комитет по деколонизации ООН начал подготовку к обсуждению кубинской резолюции, в которой провозглашалась поддержка Пуэрто-Рико в ее стремлении к самоопределению и независимости. Д. Мойнихен тогда заявил Киссинджеру, «что потеря Пуэрто-Рико вскоре после Южного Вьетнама была просто невыносима». Страны, заседавшие в Комитете, были информированы, что Пуэрто-Рико имела функционирующую демократию, где избиратели легально отказались от независимости и заявили, что проголосуют за решение, в котором будут рассматривать резолюцию о независимости как недружественный акт по отношению к США. Резолюция о независимости была отклонена (27).

Другой весьма показательной победой Мойнихена стала его критика резолюции Генеральной Ассамблеи ООН о сионизме. Мойнихен предпринял все усилия для ее денонсации (28). Не мог он смириться и со сдачей позиций США в Африке, в частности, на юге континента – в Родезии, где чернокожие повстанцы боролись с правительством белого меньшинства. Причем рассматривал все события на континенте в ракурсе противоборства с СССР (29). По замечанию Эрмана, «взгляд Мойнихена был таков, что наша внешняя политика изображает симптомы нации, которая знает, что она несопоставима с Советским Союзом» (30). Таким образом, Мойнихен был убежденным врагом коммунизма и считал, что с ним надо бороться на всех фронтах, в том числе противодействовать в странах третьего мира. Спасение он видел в распространении либеральной демократии. В этом смысле его правомерно называть и «либеральным интервенционистом».

С антикоммунистической программой в годы холодной войны выступает и Дж. Киркпатрик, которая в отличие от практика Мойнихена серьезно занималась политологическими проблемами. Еще до избрания Дж. Картера (с деятельностью которого обычно связывают атмосферу разрядки) в неконсервативной мысли серьезно стала дискутироваться тема различий между тоталитаризмом и авторитаризмом, которая была позаимствована у Х. Арендт. В 1976 г. Н. Глейзер провозгласил, что от коммунистического режима следует отличать военные режимы и диктатуры. Он сослался на регулярность и постоянство коммунистического контроля над всем обществом как два важнейшие отличительные признака, делающие коммунизм уникальным. В этой связи признавал, что почти нет шансов для эволюции коммунистических режимов в более мягких формах, подобных югославскому (31).

Эта же тема была развита Д. Киркпатрик в ее наиболее известной статье «Диктатура и двойные стандарты», в которой защищались проамериканские авторитарные режимы, боровшиеся против революционных повстанцев. Киркпатрик была убеждена, что демократия есть результат процесса политической эволюции, и всякая «попытка навязать демократию быстро, там, где ее не было, приведет к неприятным последствиям» (32). Весь дух программной статьи Киркпатрик состоял в обвинении администрации Картера в следовании двойным стандартам. По ее мнению, Президент предаст дружест-

венные Америке диктатуры в угоду хорошим отношениям с более экстремистскими авторитарными режимами и не борется с Советами (33). Она считала, что со «времени инаугурации Картера произошло драматическое советское военное наращивание, которое усилилось из-за стагнации американских вооруженных сил и драматического расширения советского влияния в районе Африканского Рога, Афганистана, Южной Африки, Карибских островов» (34).

Войдя в команду Р. Рейгана, Киркпатрик продолжала верить, что американцам лучше поддерживать дружественные диктатуры, нежели нестабильные демократии, которые могут эволюционировать влево. В целом неоконсерваторы уже в годы разрядки рассматривали страны третьего мира в качестве поля битвы тоталитаризма и демократии. Решению задачи по утверждению демократии они подчиняли свои теоретические изыскания по установлению отличий между авторитаризмом и тоталитаризмом, будучи убежденными при этом в необходимости американского вмешательства в дела суверенных государств.

В годы разрядки появляется новый аспект международных отношений – правозащитная тематика. С 1976 г., с начала президентства Дж. Картера, вопросы морали стали играть важную роль. Президент порицал республиканцев за цинизм, прагматизм в политике и беспринципность. Его главная претензия к предшествующим администрациям состояла в том, что они пренебрегли ценностями свободы и прав личности. В отличие от «реалистов» Г. Киссинджера и Р. Никсона, Картер стремился содействовать мирными усилиями внутривнутриполитическим изменениям в советском блоке (35), что, по существу, являлось либеральным вильсонизмом.

К тому же отличительной чертой внешней политики Дж. Картера было стремление «увязывать» правозащитную тематику с договоренностями по военным вопросам. Именно поэтому США вступились в 1977 г. за правозащитников, когда в СССР начались аресты членов «Хельсинкской группы». Такие акценты внешней политики, как представляется, были внутренне противоречивы, поскольку возникала дилемма между национальными интересами, основанными на геополитических расчетах, и ценностями. Нам представляется не случайным в этой связи расширение неоконсервативного движения, центром которого становится борьба за права человека. Огромную роль здесь сыграл демократ Г. Джексон, который свою задачу видел в том, чтобы «вернуть идеологические вопросы, ценности демократии и прав человека обратно в центр американо-советских отношений. По этим вопросам не могло быть компромиссов, они коренились в различиях между Западом и Востоком» (36). Как справедливо указывает Вайсе, этот подход отличался от стремления к поиску компромиссов, отстаиваемому во внешней политике Киссинджером (37).

Вместе с Джексоном выступил Д. Мойнихен, который активно поддерживал диссидентов. Так, если Белый Дом открещивался от прямых контак-

тов с диссидентами, то Мойнихен и Джексон организовывали публичные мероприятия в честь правозащитников. «2 июля 1975 г. Мойнихен присоединился к Г. Джексону на обеде в честь Александра Солженицына, обеде, который Белый дом и Госдепартамент постоянно избегали, чтобы не задевать СССР» (38). Неоконсерваторы стремились поднять проблему защиты прав человека на уровень межгосударственных отношений, ставя в неудобное положение администрацию Картера.

С 1978 до начала 1980 г. началась кампания по разрушению советской системы с концентрацией внимания на правах человека. Одним из шагов в этом направлении стала организация Коалицией за демократическое большинство (КДБ) серии встреч в поддержку диссидентов из стран восточного блока. Одна из них прошла 26 января 1978 г., во время которой КДБ вручила свою награду Л. Алеекseeвой, представлявшей советских участников хельсинского процесса. Специальная награда была вручена также В. Турчину, основателю советского отделения Amnesty International. Церемония транслировалась по радио «Свобода», «Свободная Европа» и «Голос Америки» «в целях моральной поддержки диссидентов на Востоке» (39). При этом неоконсерваторы, как и правозащитники, выступали противниками Хельсинского процесса. «Все ястребы и борцы за права человека, КДБ, Норман Подгорец, Скуп Джексон, и Александр Солженицын критически относились к Хельсинским соглашениям. Для них эти соглашения, подписанные 1 августа 1975 г., казались наградой за 20 лет советского стремления получить согласие международного сообщества на расширение границ своей империи в Восточной Европе» (40).

Иными словами, неоконсерваторы предпочитали разговаривать с СССР посредством силового давления и вмешательства во внутренние дела. Ярким и самым показательным примером такой политики стала пресловутая поправка Джексона-Вэника.

Таким образом, совершенно очевидно, что неоконсерваторы в лице Г. Джексона приложили максимум усилий для того, чтобы «торпедировать разрядку», возродили дух конфронтации между СССР и США 1950-х гг. Они нашли и использовали новый инструмент для оказания давления на СССР – судьбу эмигрантов и правозащитную тематику, что абсолютно корреспондировалось с идеалистическими установками неоконсерватизма.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Системная история международных отношений: В 2 т. – Т. 2. События 1945–2003 годов. – М., 2006. – С. 278.
- (2) Там же. – С. 279.
- (3) Там же. – С. 643.
- (4) Там же. – С. 640.
- (5) Системная история... – С. 355–356.
- (6) *Киссинджер Г.* Дипломатия. – М., 1997. – С. 682.

- (7) Там же. – С. 683.
- (8) Там же. – С. 684.
- (9) Системная история... – С. 407.
- (10) *Ehrman J.* The rise of neoconservatism. Intellectuals and Foreign Affairs 1945–1994. – N. Haven; London, 1995. – P. 113.
- (11) *Dorrien G.* Imperial designs. Neoconservatism and the New Pax Americana. – N.Y.; London, 2004. – P. 62.
- (12) Ibid. – P. 54.
- (13) *Пайнс Р.* Я жил. Мемуары непримкнувшего. – М., 2005. – С. 227.
- (14) *Dorrien Gary.* Imperial designs... – P. 57.
- (15) Ibid. – P. 53.
- (16) Ibid.
- (17) *Пайнс Р.* Я жил. Мемуары непримкнувшего... – С. 207.
- (18) Там же. – С. 209. Там же [In the same place]. – P. 208.
- (19) Там же. – С. 210.
- (20) Там же. – С. 224.
- (21) *Colodny L., Shachtman T.* The forty years war. The Rise and fall of neocons, from Nixon to Obama – N.Y., 2010. – P. 287.
- (22) Ibid. – P. 118.
- (23) *Ehrman J.* The rise of neoconservatism... – P. 63.
- (24) Ibid. – P. 66.
- (25) Ibid. – P. 67.
- (26) Ibid. – P. 83.
- (27) Ibid. – P. 85.
- (28) Ibid. – P. 86.
- (29) Ibid. – P. 95.
- (30) Ibid. – P. 96.
- (31) Ibid. – P. 115.
- (32) Ibid. – P. 120.
- (33) *Colodny L., Shachtman T.* The forty years war... – P. 286.
- (34) Ibid. – P. 316.
- (35) Системная история... – С. 394.
- (36) *Vaisse J.* Neoconservatism. The Biography of movement [Neokonservatizm. Biografiya dvizheniya]. – London, 2008. – P. 117.
- (37) Ibid. – P. 118.
- (38) Ibid. – P. 142.
- (39) Ibid. – P. 145.
- (40) Ibid. – P. 144.

NOTES

- (1) *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnykh otnosheniy v dvukh tomakh. Sobytiya 1945–2003 godov* [System History of International Relations, in two volumes. Events 1945–2003 period]. Moscow, 2006, vol. 2, p. 278.
- (2) Там же [Ibid.], p. 279.

- (3) Tam zhe [Ibid.], p. 643.
- (4) Tam zhe [Ibid.], p. 640.
- (5) *Sistemnaya istoriya...* [System History...], p. 355–356.
- (6) Kissindzher H. *Diplomatija* [Diplomacy]. Moscow, 1997, p. 682.
- (7) Tam zhe [Ibid.], p. 683.
- (8) Tam zhe [Ibid.], p. 684.
- (9) *Sistemnaya istoriya...* [System History...], p. 407.
- (10) Ehrman J. *The rise of neoconservatism. Intellectuals and Foreign Affairs 1945–1994* [Vzlet neokonservatizma. Intellektualy i mezhdunarodnye dela. 1945–1994]. New Haven; London, 1995, p. 113.
- (11) Dorrien Gary *Imperial designs. Neoconservatism and the New Pax Americana* [Imperiskie resheniya. Neokonservatizm i novyy Paks Amerikana]. New York; London, 2004, p. 62.
- (12) Tam zhe [Ibid.], p. 54.
- (13) Pajps R. *Ja zhil. Memuary neprimknuvshego* [Memoirs of a Non-Belonger]. Moscow, 2005, p. 227.
- (14) Dorrien Gary. *Imperial designs...* [Imperiskie resheniya...], p. 57.
- (15) Tam zhe, [Ibid.], p. 53.
- (16) Tam zhe, [Ibid.].
- (17) Pajps R. *Ja zhil. Memuary neprimknuvshego...* [Memoirs of a Non-Belonger...], p. 207.
- (18) Tam zhe [Ibid.], p. 208.
- (19) Tam zhe [Ibid.], p. 210.
- (20) Tam zhe [Ibid.], p. 224.
- (21) Colodny L., Shachtman T. *The forty years war. The Rise and fall of neocons, from Nixon to Obama* [Sorok let voyny. Vzlet i padeniye neokonservatorov, ot Niksona do Obamy]. New York, 2010, p. 287.
- (22) Tam zhe [Ibid.], p. 118.
- (23) Ehrman J. *The rise of neoconservatism...* [Vzlet neokonservatizma...], p. 63.
- (24) Tam zhe [Ibid.], p. 66.
- (25) Tam zhe [Ibid.], p. 67.
- (26) Tam zhe [Ibid.], p. 83.
- (27) Tam zhe [Ibid.], p. 85.
- (28) Tam zhe [Ibid.], p. 86.
- (29) Tam zhe [Ibid.], p. 95.
- (30) Tam zhe [Ibid.], p. 96.
- (31) Tam zhe [Ibid.], p. 115.
- (32) Tam zhe [Ibid.], p. 120.
- (33) Colodny L., Shachtman T. *The forty years war...* [Sorok let voyny...], p. 286.
- (34) Tam zhe [Ibid.], p. 316.
- (35) *Sistemnaya istoriya...* [System History...], p. 394.
- (36) Vaisse J. *Neoconservatism. The Biography of movement* [Neokonservatizm. Biografiya dvizheniya]. London, 2008, p. 117.
- (37) Tam zhe [Ibid.], p. 118.
- (38) Tam zhe [Ibid.], p. 142.
- (39) Tam zhe [Ibid.], p. 145.
- (40) Tam zhe [Ibid.], p. 144.

**SOVIET-AMERICAN RELATIONS IN 1960–1970S.:
U.S. NEO-CONSERVATIVES AND COLLAPSE OF DÉTENTE**

K.V. Blokhin

Department of Theory and History of International Relations
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya Str., 10-2, Moscow, Russia, 117198

The article analyses the Soviet-American relations in the years of detente (1960–1970s), considers the role of neoconservatives who promoted the US return to the spirit of confrontation with the Soviet Union. Particular attention is paid to the analysis of the activities of H. Jackson, D.P. Moynihan, J. Kirkpatrick, R. Perl, as well as neoconservative organizations.

Key words: USSR, USA, detente, realism, idealism, neoconservatism, wilsonianism, liberalism, communism, dictatorship, democracy, human rights, Cold War.